

О.П. Батрак

**РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В
"СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ"
МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА**

О юрисдикционном положении Русской церкви в 50-е годы XI в., свидетельствует документ – "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона. Исследователями, в разное время обращавшимися к "Слову...", написаны десятки трудов, большинство которых посвящены изучению философского, патриотического аспектов и в меньшей мере религиозного. В исторической науке сложилось устойчивое мнение, что Иларион является зачинателем философского осмысления истории в отечественной духовной культуре,¹ что его "Слово..." – это "стройное и органическое развитие единой патриотической мысли...", что оно, своего рода политический трактат, обосновывавший независимость русской церкви и русской государственной политики от Византии.²

"В "Слове...", - пишет А.В.Карташев, – утверждается полнота сил русского христианства, прославляется пышный рост его при св. Владимире, которого автор "ублажает", именуя "блаженным" и возвеличивает как героя веры, достойного канонизации. Все это – вопреки взглядам греков".³ А.Ф.Замалеев и В.А.Зоц, сопоставляя идеи Илариона и Ария, пришли к выводу о том, что "древнерусский мыслитель в трактовке человеческой сущности Христа очень близко подходит к системе раннехристианского ересеучителя..., крен Илариона в сторону арианства выражал в первую очередь антивизантизм великокняжеской власти, ее противодействие экспансионистским замыслам Кон-

¹ Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. – К., 1988. – С. 57.

² Творогов О.В. Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 149.

³ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.1. – М., 1997. – С. 169.

стантинополя".⁴ Л.Н.Гумилев полагает, что "Слово..." было написано против иудеев и пропаганды иудаизма в Киевской Руси.⁵

Среди ученых нет и полного согласия относительно датировки этого произведения. В.С.Горский пишет: "М.Д.Приселков считал, что оно было создано между 1037 и 1043 г.г.; немецкий исследователь "Слова..." Л.Мюллер датирует его 1050 г.; по мнению Н.Н.Розова, оно было произнесено в 1049 г. Однако несомненным остается тот временной диапазон, который установил первооткрыватель "Слова..." А.В.Горский, утверждающий, что оно "было создано не ранее 1037 и не позднее 1050г."⁶ Тем не менее, Л.Гумилев категорично настаивал, что оно было написано раньше, а обнародовано после 1037 г.⁷

Значимость "Слова..." определяется, на наш взгляд, его религиозной направленностью. Зачем было необходимо писать "Слово..."? Какую оно должно было сыграть роль в сложившейся ситуации?

Принципиальное значение при этом имеет исходная точка поиска: идти ли от источника, или же от проблемы. А.Кузьмин полагал, что разные подходы дадут совершенно разные выводы. Если следовать за источником, очень легко можно стать на его точку зрения и просмотреть нечто важное. Постановка же проблемы предполагает шире смотреть на сам источник, учитывать условия его происхождения, полнее использовать наработанный специалистами материал.⁸

Церковная традиция предполагала врачевание тела Церкви от разных "болезней" – учение словом. Иоанн Златоуст в своих поучениях "О священстве" писал: "...когда душа страдает болезнью, состоящую въ неправыхъ догматахъ, тогда весьма полезно слово, не только для ограждения своихъ, но и для борьбы

⁴ Замалеев А.Ф., Зоц В.А. Мыслители Киевской Руси. – К., 1987. – С. 48.

⁵ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Кн.1. – М., 1997. – С. 315-317

⁶ Горский В.С. Указ соч. – С.55.

⁷ Гумилев Л.Н. Указ. Соч. – С. 315.

⁸ Кузьмин А.Г. Падение Перуна (Становление христианства на Руси). – М., 1988. – С.19

съ посторонними".⁹ И разъяснял как необходимо ограждаться словом, т.е., что именно должно учитываться при написании слова. "Въ воинскомъ деле отъ противустоящихъ и сражающихся воиновъ всегда должно ожидать и победы и пораженья; а здесь совершенно иначе. Часто битва съ одними доставляетъ победу такимъ врагамъ, которые в начале не ополчались и нисколько не трудились, а оставались спокойно сидящими; и не имеющій въ этихъ делахъ большой опытности, поразивъ себя собственнымъ мечемъ, делается смешнымъ и для друзей и для враговъ. Напримеръ, последователи лжеучения Валентина и Маркиона, и одержимые одинаковыми съ ними болезнями, исключаютъ из числа книгъ Божественнаго Писанія законъ, данный Богомъ Моисею; іудеи же такъ почитають его, что и теперь, когда уже время не позволяеть, стараются вполне соблюдать его вопреки воле Божіей. А церковь Божія, избегаетъ крайностей техъ и другихъ, идетъ среднимъ путемъ, – и не соглашается подчиняться игу закона, и не допускаетъ хулить его, но хвалитъ его и по прекращеніи его за то, что онъ былъ полезенъ въ свое время. Поэтому тотъ, кто намеревается бороться съ теми и другими, долженъ соблюдать это равновесіе. Если онъ, желая научить іудеев, что они не благовременно держатся древняго законодательства, начнетъ безъ пощады порицать его, то подастъ немалый поводъ желающимъ изъ еретиковъ хулить его; а если, стараясь заградить уста этимъ еретикамъ, станетъ неумеренно превозносить законъ и выхвалять его, какъ необходимый въ настоящее время, то откроетъ уста іудеямъ."¹⁰

Не зная такихъ требований к слову Иларион не мог. Тем более, что анализ источников, на которые опирается автор "Слова...", демонстрируют его выдающуюся эрудицию. Исследователи "Слова..." отмечают убедительное знакомство Илариона не только с книгами Ветхого и Нового Заветов, но и с произведениями Георгия Амартола, Козьмы Пресвитера, Ефрема Сирина,

---

⁹ *Св. Иоанн Златоуст. Творенія святого отца нашего Іоанна Златоуста, Архі-епископа Константинопольскаго, въ русскомъ переводе. В двенадцати томах. – М., 1991. – Т.1 (Книга вторая). – С.453.*

¹⁰ Там же. – С.455-456

Августина Аврелия.¹¹ Не говоря уже об Иоанне Златоусте, переводы творений которого были достаточно популярными в Киевской Руси.

Полное заглавие "Слова..." – "Про закон, Мойсеем даний, і про благодать та істину, що були Ісусом Христом, і як закон одійшов, а благодать і істина всю землю сповнили, і віра на всі народи поширилась, і на наш народ руський. І похвала кагану нашому Володимиру, що ним охрещені ми були. І молитва до Бога од усієї землі нашої. Господи, Благослови, Отче!"¹²

"Слово..." состоит из трех частей: первая – рассказ о законе и благодати, похвала князю Владимиру Святославичу; вторая – молитва; третья – текст символа веры с краткими формулами под названием – "Визнання віри".

Положив в основу первой части "Слова..." послание св. Апостола Павла к галатам, который, прибегнув к аллегории, провел поразительную параллель между рождением сыновей Авраама от рабыни Агари и от свободной Сарры, с одной стороны, и существованием двух заветов: ветхого и нового, закона и благодати, с другой, Иларион, практически повторяет основы христианства, скомбинированные с библейских цитат (Гал. 4, 21-25), дополненные некоторыми другими деталями.

Источником закона является Бог. Он дал его евреям через Моисея для того, чтобы подготовить людей к принятию истины – благодати. Состояние закона – это рабство, тень истины. Евреи не смогли воспользоваться законом для восприятия благодати, нового учения – учения Христа, с явлением его на землю. Но пока Христос – Сын Божий был на земле в образе человека, это был, так сказать, "переходный период" сосуществования закона и благодати. Постепенно благодать, обладающая новыми качествами, которых не было у состояния закона, вытесняет его. "Іудейство тінню і законом виправдовувалось і не спаслося. Християнство ж істиною і благодаттю не виправдовуються, а спасаються" (С.424), – пишет Иларион, вторя св. Апостолу Пав-

¹¹ Горский В.С. Указ.соч. – С.47.

¹² Українська культура: історія і сучасність: Навч. Посібник (За ред. С.О.Черепанової) – Львів: Світ, 1994 – С.422-239. В дальнейшем ссылки на "Слово..." даются по этому изданию с указанием страниц в тексте.

лу (Гал.2,16; 3, 11; 5, 4).

Такое духовное перерождение неизмеримо расширяет национальные, социальные и религиозные рамки, и новое учение уже распространяется на другие народы, оно не ограничено рамками одного иудейского народа – "Християнське ж спасіння блага і щедра бо шириться на всі краї земні" (С.424), что вполне согласуется с учением св. Апостола Павла (Гал. 3, 28-29).

Значит ли это, что закон по Илариону противен обетованиям Божиим? На наш взгляд, такой вывод был бы неправомерен. Автор "Слова..." считает закон "детоводителем" к Христу. "Він єдиний, творячи чудеса, готуючи істину і благодать, установив закон, аби в ньому обвиклося людське єство, от багатобожжя ідоцького одхиляючись до віри в єдиного бога; аби, як брудна посудина, людство обмилось водою, законом і обрізанням, прийняло в себе молоко благодаті й хрещення", "Закон бо предтечею був і слугою благодаті і істині" (С.422).

Таким образом, Иларион, критикуя иудеев, не нарушает равновесия между законом и благодатью, Ветхим и Новым Заветами. "І не іудейське хулимо, а християнське благословляємо" (С.429). Отсюда логично вытекает, что в "Слове..." Илариона никакого противопоставления закона, данного только евреям, благодати, которая осияла все народы земли, нет. Иначе, с богословской точки зрения, в конфликт вступают две концепции: повеление Моисеева закона и новое учение Иисуса Христа. Наоборот, мы наблюдаем целостную и ненарушенную идею полезности первоначально закона, данного Богом Моисею, уступающего место новому закону Христа, благодати, пришедшему на смену жестоким ветхозаветным заповедям. "Віра бо благодатна по всій землі поширилась. І до нашого народу руського дійшла. Озеро ж закону пересохло, а євангельське джерело, наводнившись і всю землю покривши, аж до нас розлилося. Се ж бо й ми вже з усіма християнами славимо святу трійцю" (С.428).

Как уже отмечалось, А.Ф.Замалеев и В.А.Зоц обнаружили аспекты арианской ереси в утверждении книжника, что любой христианин может стать сыном и причастником бога. "Значит ли это, – пишут исследователи, – что Иларион возвышает человека до "действительного" сына божия – Иисуса Христа? Безус-

ловно. При этом он рассуждает так. Христос имеет два естества: божественное и человеческое. И человеком он был "по въчеловеченью, а не привидением". Оттого по человечеству Христос – сын божий, и назван так за свои высокие деяния в плотском облиии. По божеству же он – сам бог, владыка и творец мира. Христос заповедал подражать себе, но в делах человеческих, а не божественных. "И тако, – замечает Иларион, – помилова благый бог человеческий род, яко и человеци плътяни крещением и благими дела сынове и причастницы богу бывают". Таков вывод мыслителя, и нельзя не заметить близости его рассуждений воззрениям арианства...".¹³

(Кстати, как замечает В.С.Горский, Н.К.Никольский, в связи с этим, указывал на наличие в "Слове..." "черт, близких к адоптионизму, т.е. божественному усыновлению человека через крещение его".¹⁴)

На наш взгляд, в вышеприведенном отрывке речь идет о великой роли крещения, которое открывает перспективу спасения: "І стількох милує благий бог з роду людського людей тілесних хрещенням, скільки з них благими ділами за синів богів і причасників Христу бувають, як рече євангеліст: "Тим, які прийняли його, дав він владу дітьми божими бути, тим, які віру прийняли в ім'я його, що не од крові, не од похоті плотської, не од похоті чоловічої, а од бога народилися святим духом у святій купелі". (Іоанн 1, 12-13)" (С.426).

В том месте, где Иларион пишет о двух естествах, достаточно точно изложена формула Халкидонского (451г.) IV Вселенского собора об Иисусе Христе как истинном боге и истинном человеке, единосущном Богу-Отцу (отрицаемое Арием) и представляющем два естества, но одну ипостась. "Перед віком од отця народжений, єдинопрестольний отцю, єдиносущий із ним, як сонячне світло, зійшов на землю, одвідав людей своїх, не одлучившись од отця, і втілювався од дівичі чистої, безмужньої і безскверної, ввійшовши в неї, як сам відає, і, плоть прийнявши, вийшов, як і ввійшов, єдиним будучи у трійці, у двох ествах – божество і людскість. Вповні людина, бо влюднився, а не при-

¹³ Замалеєв А.Ф., Зоц В.А. Указ. Соч. – С.47.

¹⁴ Горський В.С. Указ. Соч. – С.144

видівся, і вповні бог по божеству, а не просто людина. Показав на землі він і боже і людське". (С.426) (Арий, в своем учении, наоборот, снимал центральную для христианства идею о богочеловеке).

Здесь Иларион, не без запугивания, и, можно сказать, изящно вклинивает догмат богословских мыслителей о божественной единосущности. Как в математической формуле, для непосвященного тут не сказано ничего ясного. Но посвященные должны были увидеть истинное чудо богословской премудрости. "Не до невігласів бо пишемо, а до таких, що досхочу наситилися солодощами книжними" (С.422-423). Словечко, о которое, как об адамант, разбились головы сотен восточных богословов. Против которого восставал 70 лет почти весь Восток. Слово, которое было проигнорировано при принятии христианства в качестве государственной религии в летописном символе веры. И перед тем как перейти к похвале Владимиру Святославичу, подводя итог вышесказанному, Иларион решительно заявляет: "Отак віруючи в нього (Ісуса Христа) і святих отців семи соборів настанови приймаючи, молимо бога ще і ще посприяти нам і направити нас на путь заповідей його" (С.429). То есть, верить и непрестанно реализовывать заданный идеал, как всеобщее церковное правило нового истинного учения Христа – благодати, для новых истинных христиан.

Говоря о князе Владимире, Иларион живописует величайшее благодеяние, – крещение русской земли, которое тот совершил. Излагаемые им похвалы, для многих ученых стали доводом о борьбе русской церкви за канонизацию крестного отца, против которой выступала Византия, а значит и об антигреческой позиции автора.

На наш взгляд, в предложенной Иларионом схеме похвал угадывается определенная система, остроумно названная В.Бахрушиным, "беатизацией"¹⁵, которая была направлена на подготовку к канонизации. Сначала, то или иное лицо причисляли к лику блаженных. Затем, преодолевая эту "низшую ступень" возвышали до нужной категории или "класса" святости. Как структурный составляющий элемент она элегантно вмонти-

---

¹⁵ Там же. – С.16.

рована в єдиную композицію, за котрою просматривається схема агиографического житія.

По мненію В.І.Крекотеня, "Житія творилися за певною композиційною схемою. Твір починається звичайно своєрідною передмовою. У ній агиограф із християнською смиренністю попереджає читачів, що його освіта і хист недостатні для того, щоб гідно описати життя уславленого святого. Далі він вказує на обставини, які все ж таки спонукують його взятися за перо, говорить про джерела твору, про те, як він збирав відомості про свого героя. Саме житіє теж розгорталося за усталеним планом: характеризуються батьки святого, описуються рідні його місця, тлумачиться його ім'я, розповідається про його навчання, про те, як він ставився до жіноцтва, до шлюбу, докладно описується його подвижництво, наводяться передсмертні настанови людям, змальовується смерть і, нарешті, докладно описуються по-смертні чудеса".¹⁶

Воздавая похвалы князю Владимиру, Иларион пишет: "А що чув він завжди про благовірні землі грецькі христорлюбиві і сильні вірою, як вони Єдиного бога в трійці почитають і йому поклоняються, як у них діються сили і чудеса і знамення, як щиро моляться, перед богом схиляючись, то, се чуючи, зажадав він серцем, загорівся духом, щоб і собі стати християнином і землю свою до християнства навести", потому что "...коли він у дні свої жив і землю свою пас правдою, мужністю і розумом, навідав його всевишній, глянуло на нього всемілостиве око благого бога, і возсіяв розум у серці його" (С.430-431).

С одной стороны, автор "Слова..." с "отеческой" любовью перечисляет византийские благоверности, которые духовно открывают путь к спасению и святости, и о которых знал Владимир. Поэтому "...возсіяв розум у серці його..."

С другой стороны, Иларион, как бы пытаясь выяснить причины благодатного переворота в духе Владимира, вносит элемент противоречия: "Як ти увірував, як розгорілась у тобі любов до Христа? Як вселився у тебе розум вищий од розуму земних мудреців, щоб невидимого возлюбити і до небесних подвигну-

---

¹⁶ Крекотень В.І. Житійна література // Історія української літератури. Відп. Ред. Л.Е.Махновець. У восьми томах. – К., 1967. – Т.1. – С.62.

тися? Як тобі серце розкрилося? Як увійшов у тебе страх божий? Як прилучився ти до любові його? Не бачив ти апостола, який би прийшов у землю твою... Як же ти увірував? Дивне чудо! ...ти ж, о блаженниче, ... пробився до Христа, лише благим розмислом і гострим умом зрозумівши" (С.432).

В такой последовательности похвал, прослеживается стремление объединить два совершенно разных направления, объясняющие мотивы, побудившие Владимира к крещению.

В одном случае, князь:

- слышал о византийских благоверностях;
- в связи с этим "зажадав він серцем, загорівся Духом", чтобы стать христианином;
- увидел это Бог и "возсіав розум у серці його";
- после чего крестился "увійшов у святу купіль і одродився от духу і води";
- крестил всех людей своих "і не було ані єдиного, який би противився благочестивому його повелінню. А як хто, то й не з любові, а зі страху перед повелителем, охрестився, бо ж благовір'я його на владу спиралося" (С.433).

Возвеличивая Владимира как героя веры, достойного канонизации, сравнивая его с великим Константином, который со своей матерью Еленой "...хрест із Єрусалима принісши, по всьому світу своєму розславивши, віру утвердили", заявляет: "Ти ж із бабою твоєю Ольгою, принісши хрест із нового Єрусалима, Константинограду, по всій землі своїй поставивши утвердили віру" (С.433). То есть, очень умело вмонтирована изначальная связь Руси с Константинополем. При таком подходе идеологическое содержание противоборства Руси и Византии обесценивается. Говоря языком канонического права, утверждалось постфактум, законное право церкви-матери (константинопольского патриархата) определять статус рожденной от нее Русской митрополии.

Во втором случае, это самостоятельный "від благого розмисла і гострого ума" только от Владимира зависящий акт. Он:

- сам понял, "що тільки бог є творцем невидимих і видимих, небесних і земних, і що послав він на світ заради нашого спасіння возлюбленного сина свого";

- крестился "...осягнувши се, увійшов ти у святу купіль, яка декому юродством здається";
- после чего, проявилась в нем сила Божья "...а тебе до сили божої прилучила", т.е. к жизни праведной "...у великім терпінні, у скорботах... у чистоті... у лагідності..." (2 Кор. 6, 4-10), от чего, в свое время, отказался Святослав: "Адже дружина моя з сього сміятись почне!" (С.432).¹⁷

Заканчивается похвала следующими словами: "Добрим свідком благовір'я твого, о блаженниче, є свята церква Святої Богородиці Марії, що її звів ти на правовірній основі, де й мужнє тіло нині лежить, ждучи труби архангельської" (С.433). Ожидание трубы архангельской можно понимать как ожидание посмертных чудес, так как Иларион, в такой же аллегорической форме, несколько раньше, когда описывал о происшедших переменах после принятия христианства Владимиром, сравнивал их с апостольской трубой: "Апостольська труба і євангельський грім над всіма городами пролунали".

Таким образом, "Слово..." Илариона раскрывает, во-первых, достаточно острую борьбу двух христианских партий. Во-вторых, за схемой похвал просматривается механизм примирения противоборствующих сторон: указывая на каноническую связь с Византией, крещение Руси описано как самостоятельный акт Владимира, который становится учителем и наставником Русской земли. Возвеличивая князя до равноапостольного, не умаляя достоинство национальной Русской церкви, Иларион выводит ее на уровень церковно-политического партнерства с Константинополем, т.е. раскрывает перед нами интересную и сложную комбинацию геополитических интересов Древнерусского государства. Ключевым моментом для ее реализации и должен был предшествовать акт официальной канонизации Владимира, санкционированный греками.

¹⁷ *Літопис* Руський. За іпатським списком. Переклав Л.Махновець. – К., 1990. – С.37.